

ФРАНЦУЗСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ СЕГОДНЯ: ЕДИНСТВО ИЛИ МНОГООБРАЗИЕ?

Борис Петрик, Елена Филиппова

Эта книга обязана своим появлением симпозиуму "Теоретическое и методологическое обновление социальной антропологии: российско-французский диалог", организованному Институтом этнологии и антропологии РАН совместно с Междисциплинарным институтом антропологии современности Высшей школы социальных исследований (Париж). Симпозиум состоялся в Москве в сентябре 2008 года и объединил около двадцати российских и французских участников, которые в течение трех дней обсуждали актуальные проблемы дисциплины и подходы к ним, выработанные в обеих странах.

После длительной изоляции советского периода российская этнология получила возможность прямого диалога с различными научными школами. Возврат в мировое научное сообщество происходит в непростом контексте, унаследованном от эпохи холодной войны и характеризующемся недостаточной взаимной осведомленностью российских и зарубежных ученых о работах друг друга, о новых методологических течениях, слабым взаимным проникновением в антропологическое "поле".

В то время как англо-саксонская антропология быстро завоевала себе место на постсоветском интеллектуальном пространстве, работы французских антропологов по-прежнему малоизвестны. Отчасти это неравное положение можно объяснить меньшей распространенностью в российской научно-образовательной среде французского языка по сравнению с английским. Однако нельзя сбрасывать со счетов и предшествующую историю формирования и развития дисциплины. Важнейшей задачей русских, а затем советских этнографов было изучение социокультурного многообразия в границах собст-

венного политического пространства, хотя даже в советское время были и этнографы, работавшие за пределами СССР. В то же самое время французские антропологи занимались в основном изучением населения своих колоний в Африке, Азии и т.п. Работы, посвященные населению СССР, во Франции редки*. Сыграли определенную роль и заметные различия в характере взаимодействия науки и власти, и, более широко, в историко-политическом контексте производства антропологического знания. Это наследие до сих пор оказывает определенное влияние на развитие антропологии в наших двух странах.

Двусторонние связи в сфере гуманитарных и общественных наук существуют в основном между французскими исследователями, занимающимися историей России и СССР, и российскими учеными, работающими в этой же области. При этом во Франции в дискуссиях относительно современного общественного развития на постсоветском пространстве тон задают политологи или "широкие" специалисты по тем или иным странам и регионам (Кавказу, Средней Азии, Сибири), голос же антропологов почти не слышен. Несмотря на открытие границ и относительную доступность поля, российское и постсоветское пространство остаются на периферии интереса французских антропологов. Полевые исследования их российских коллег во Франции и франкоязычных странах также пока не стали систематическими. Существующие формы сотрудничества нередко характеризуются некоторой асимметрией, когда российские ученые воспринимаются в первую очередь как источники информации и помощники в организации работы западных коллег, специализирующихся на изучении России. Эти неравноправные отношения неизбежно порождают взаимонепонимание и недоверие. Российские ученые зачастую уверены в том, что антрополог-иностранец в принципе не способен понять тот мир, который он изучает. Это предубеждение провоцирует двоякий скептицизм: с одной стороны, зарубежным ученым отказывают в способности глубокого понимания общественных процессов, протекающих в российском обществе; с другой – российские исследователи сомневаются в готовности зарубежных коллег сотрудничать с ними на равных, "допустить" их на свое исследовательское поле. Существует и тенденция применять к анализу западных обществ объяснительные конструкции и схемы, выработанные в недрах советского общества с их приматом концептов этноса, этноге-

* Можно упомянуть в этой связи работы Роберты Амайон и Фредерик Лонге-Маркс.

неза и этничности. Многие российские антропологи ищут и находят "этносы" даже в тех обществах, которые не придают большого значения этой форме идентификации.

В сложившейся ситуации одной из важных задач представляется содействие российским антропологам в их исследованиях за пределами национальных границ и установление настоящего, равноправного сотрудничества в работе над общими для нашей дисциплины проблемами. Это объективно будет способствовать деполитизации двусторонних контактов.

На данный момент приходится констатировать и слабое взаимное проникновение современных теоретических достижений двух национальных антропологических школ. Знакомство практически ограничивается двумя знаковыми и авторитетными, но уже не отражающими современное состояние антропологической мысли фигурами. Это создатель французской школы структурализма Клод Леви-Стросс и олицетворяющий в глазах французов советскую теорию этноса Юлиан Бромлей.

Между тем, уже с конца 1970-х годов во Франции началось критическое переосмысление двух влиятельнейших философских направлений: структурализма и марксизма. Их непререкаемый авторитет был подвергнут сомнению в то самое время, когда встал вопрос о пересмотре отношений с бывшими колониями и об оценке роли и места антропологов в системе колониальной власти. В этом контексте некоторые антропологи, по примеру Ж. Баландые, предложили по-новому определить сам объект дисциплины. Многие африканисты, в поисках "нового" поля, обратились либо к городской жизни африканских обществ, либо к обществам "современным", европейским. Тем самым они отказались от классического противопоставления "далекого" и "близкого", "традиционного" и "современного". Вслед за новаторскими работами Марка Оже ("Ничейное место", "Этнолог в метро", "Смыслы Других" и др.) появилось множество исследований феноменов повседневности.

Хотя африканисты по-прежнему составляют наиболее многочисленный отряд французских антропологов, в последние десятилетия растет интерес и к другим культурным зонам. Кстати, интересно отметить, что две крупнейшие фигуры национальной антропологической школы, получившие всемирную известность, являются специалистами по Океании (М. Годелье) и Америке (к. Леви-Стросс), т. е. работали в регионах, не входивших в сферу политического влияния французской колониальной империи.

Этот период отмечен также появлением новых исследовательских центров и кафедр антропологии в университетах, а также новых теоретических направлений, составляющих конкуренцию структурализму. Важно напомнить в связи с этим, что большинство антропологов во Франции начинали свой путь в науку через изучение философии. Неудивительно, что их размышления над антропологическими сюжетами вписываются в общий контекст развития гуманитарного знания. Споры и дискуссии, иногда достаточно ожесточенные, ведутся с историками, социологами и философами.

1980-е годы прошли во Франции под влиянием веберовской социологии, работ социологов Чикагской школы и антропологов – Манчестерской. Были подвергнуты деконструкции некоторые эссенциалистские понятия, такие как племя и *ethnie*. Этот поворотный момент отмечен публикацией книги Ж.-Л. Амсея и Э. М'Боколо "Au cœur de l'ethnie", в которой авторы сравнивают знаменитый текст Ф. Барта "Этнические группы и границы" с коперниковой революцией в антропологии. Статья известного норвежского антрополога увидела свет еще в 1969 г., но должно было пройти более десяти лет, прежде чем она стала предметом дискуссии во французской антропологии.

Этот период прошел под знаком так называемого "деконструкционизма", позаимствованного из философских и социологических дебатов, связанных, соответственно, с именем Ж. Деррида и с полемикой между Р. Будоном и П. Бурдьё. Основная идея состоит в стремлении избежать "натурализации" социальных феноменов и продемонстрировать, что любая группа людей есть социальная конструкция. Отныне говорят не об *ethnie*, но об этничности; не о нации, но о национализме. В то же самое время в США распространяется представление о том, что антрополог, так же как исследователь в области естественных наук, лишь выявляет объективные факты. Обсуждаются такие проблемы, как позиция антрополога и его отношения с изучаемым населением; способы сбора антропологической информации; манера описания наблюдаемых процессов и явлений. Это направление мысли тоже оказывает заметное влияние на обновление антропологии как дисциплины (см. работы М. Абелеса, О. де Сардана, Д. Фассэна и др.).

Не следует забывать и о том, что в чрезвычайно политизированном французском обществе антропологи не могут оставаться в стороне от традиционного размежевания на "левых" и "правых". Политические симпатии и антипатии могут вести к формированию противостоящих друг другу научных школ и порождать непримиримые

интеллектуальные дуэли. До сих пор некоторые кафедры или факультеты сохраняют репутацию "левых" или "правых" в память о том, по какую сторону баррикад находились их профессора и преподаватели во время студенческих волнений мая 1968 года. Профессиональная позиция ученого часто неотделима от его политических взглядов. Помимо глобального разделения на левых и правых, есть еще и внутренние противоречия в самом левом лагере. Все эти тонкости политических пристрастий находят отражение в организационной структуре французской антропологии.

Начиная с конца 1980-х гг., ситуация во французской антропологии не раз описывалась как кризисная. Частое употребление этого термина не означает, однако, что дисциплина "выдохлась". Напротив, оно является признаком ее динамического обновления. Марксизм и структурализм, бывшие в прошлом могущественными и господствующими теоретическими парадигмами, и сегодня не сбрасываются со счетов, сохраняя своих приверженцев, но мирно сосуществуют с "большими нарративами". Ведутся дискуссии о соотношении антропологии со смежными науками – такими как история или изучение культурных ареалов. Усиливается интернационализация дисциплины, что позволяет расширять территории производства и распространения знания. Это особенно важно на фоне общей неблагоприятной для гуманитарных наук ситуации, сложившейся сегодня во Франции. Современное многообразие французской антропологии проявляется как в выборе объектов, так и в разнообразии теоретических подходов, что не отменяет основной задачи – изучения культурного многообразия и универсального измерения Человека.

В общем контексте трансформации нашей дисциплины, сопровождающейся критическим переосмыслением влиятельных теоретических парадигм и пересмотром разделения мира на историко-культурные зоны, эта книга предоставляет читателю возможность познакомиться с новыми течениями современной французской антропологической мысли.

Мы видим свою задачу в том, чтобы представить русскоязычной читающей аудитории широкую панораму методологических подходов и разнообразие объектов изучения современной французской антропологии, не претендуя, в то же время, на исчерпывающий охват. Среди авторов, принявших участие в публикации, как опытные и хорошо известные ученые, так и молодые исследователи, представляющие различные университеты и научные лаборатории. Помимо общей информации о том, какие проблемы занимают сегодня фран-

цузских антропологов, читатель сможет получить представление о различных методологических направлениях внутри дисциплины, а также о непростых отношениях науки и власти. Публикуемые статьи, при всем их сюжетном и методологическом разнообразии, позволяют со всей очевидностью убедиться в том, что концепт "ethnie", близкий к российскому "этнос", находится на периферии осмысления социальной реальности в современной французской антропологии.

Книга состоит из двух частей. Первая дает представление о саморефлексии антропологов, об их поисках в сфере новых теоретических построений и объяснительных гипотез.

Борис Петрик констатирует достижение определенного консенсуса по поводу того, что задачей этнологии и социальной антропологии не является составление объективного и исчерпывающего каталога существующих в мире культур. Ведущиеся внутри дисциплины споры и дискуссии не являются проявлением ее кризиса, но, напротив, свидетельствуют о наличии потенциала к обновлению. Статья дает общее представление о современном состоянии антропологии во Франции и об организационной структуре производства и распространения антропологического знания.

В современном мире, где все меньше остается так называемых "традиционных" обществ и культур, бывших изначально основным объектом антропологии, последней, – убежден **Морис Годелье**, – отнюдь не грозит гибель, поскольку процесс глобализации сопровождается самоутверждением "множества культурных и политических идентичностей, как унаследованных, так и изобретенных". Ученый критикует американские постмодернистские течения, не желающие видеть в антропологии ничего кроме субъективного описания окружающей действительности. Напротив, **Шарли Галибер**, размышляя на ту же тему и не ставя под сомнение гносеологические перспективы нашей дисциплины, отдает предпочтение подходу, открыто декларирующему субъективность исследователя и относительность антропологического знания.

Статьи **Жана-Франсуа Госьо** и **Франсуа Лаплантина** отражают оппозицию между пост-структурализмом и марксизмом, с одной стороны, методологическим индивидуализмом и интеракционизмом – с другой. Эта оппозиция выстраивается вокруг противопоставлений субъект/структура, индивид/коллектив, предопределенность/свободный выбор.

Все перечисленные авторы, однако, едины в том, что необходимо отказаться от привычки рассматривать культурные и социальные

феномены сквозь призму "западного" мировосприятия. Современная антропология должна основываться на взаимодействии и взаимовлиянии наблюдаемого и наблюдателя; она должна быть частью общемирового знания, опирающейся на фундаментальную и основополагающую этику диалога.

Во второй части собраны статьи, дающие представление, прежде всего о новом понимании самого объекта антропологии как научной дисциплины и о расширении традиционного этнографического "поля".

Объект исследований *Моник Жёди-Баллини* – сфера чувств. Антропология "далеких", "экзотических" обществ редко обращает внимание на эту сторону жизни людей. Это может быть связано с ограничением доступа в эмоциональную сферу другого, характерным, в частности, для культуры сулка в Меланезии, где работает автор. Открытое проявление чувств считается здесь социально неприемлемым – и столь же недопустимо обращать внимание на невольно выраженные другими чувства радости, грусти, раздражения, гнева, досады, задавать вопросы о причинах подобных чувств. Но чаще всего, подозревает исследователь, этнологи сознательно стремятся исключить анализ чувств из предметной области своей дисциплины или, во всяком случае, рассматривать их лишь как частные проявления. Представление о том, что в традиционных обществах поведенческие практики в значительной мере предопределяются нормативной культурой, способствуют, безусловно, недооценке роли чувственной сферы при этнографическом изучении этих обществ. Отчасти, видимо, дело еще и в том, что считается бесполезным специально изучать проявления универсальных субъективных ощущений (печаль, радость, стыд, горе и т. п.), о которых, казалось бы, все давно известно. Между тем, без анализа чувственно-эмоциональной сферы невозможно комплексное антропологическое изучение социального опыта.

Два исследования, выполненных во вполне традиционном для французской антропологии африканском поле, прекрасно иллюстрируют тезис М. Годелье о важности антропологического подхода при изучении актуальных проблем современности. Идет ли речь о критически высоком уровне материнской смертности при родах (см. статью *Янника Жаффре*) или о пронизывающей все общество сверху донизу коррупции (статья *Джорджо Блундо*), антропологу есть что сказать относительно глубинных причин и скрытых механизмов этих явлений. Специфическое знание, которым он владеет, касающееся социальной организации и систем родства, традиционных верований и форм обмена, удачно дополняет исследования политологов, эконо-

мистов, юристов, эпидемиологов, клиницистов и позволяет комплексно подходить к анализу таких проблем, как способ распределения общественных благ, организация труда, местные этические нормы и пр. А этнографический метод включенного наблюдения и глубинного интервью позволяет получить такую информацию, которой не найти в официальных документах и статистических сводках.

Сказанное верно и для современных "западных" обществ. Французские антропологи все более уверенно преодолевают недоверие к правомерности изучения этнографическими методами окружающей их повседневности. Этнология Франции становится неотъемлемой частью французской этнологии (термин "этнология", в соответствии с французской традицией, указывает здесь именно на метод, а не на предмет и объект исследования). Если на начальном этапе развития этого направления дисциплины преобладало изучение традиций и фольклора, то сегодня в центре внимания ученых антропология современных социальных институтов и организаций. Некоторые из них, в силу своей закрытости от посторонних взглядов, являются для исследователя не в меньшей степени "экзотичными" и "удаленными", чем общества сулка или баруйя. И проникновение в такие специфические микросоциумы, как тюрьма (статья *Леонор Лё Кэн*) или дом для престарелых (который исследует *Эрик Миннаер*) требует от ученого преодоления не меньшей "отстраненности", чем при работе на далеких островах. Насколько правомерно, однако, в каждом из подобных случаев говорить о существовании субкультуры со своей системой ценностей, иерархией статусов и распределением ролей, отличных от принятых в окружающем социуме и противоположных им? Не является ли "субкультура" лишь отражением в миниатюре системы представлений, принятых в "большом" мире? Вновь встает и вопрос о позиции исследователя-антрополога: возможно ли, оставаясь "гостем"-наблюдателем, увидеть и услышать то, что не предназначается для посторонних глаз и ушей? Как быть, если присутствие в группе требует открытой солидаризации с ценностями этой группы, и если исследователь их не разделяет? Что делать, если в распоряжении исследователя оказывается информация, представляющая серьезный интерес для правоохранительных органов? Можно ли, не нарушая этических норм в отношении информаторов, доверившихся антропологу, предать сообщенные ими сведения огласке? Каким образом не превратиться из ученого, исследующего общественный феномен (будь то коррупционные практики или внутренняя жизнь сообщества заключенных), в агента-осведомителя?

Вопросы деонтологии, или профессиональной этики антрополога обсуждаются и в связи с различными экспертизами, или заказными исследованиями. *Лоран Дусэ и Кэти Гласкин* рассуждают на эти темы, основываясь на своем длительном опыте работы в Австралии, где антропология сильнейшим образом вовлечена в современные юридические и политические процессы, и потому производство антропологического знания неразрывно связано с его практическим использованием в форме конкретных экспертиз. Некоторые теоретические концепты и модели, выработанные в далеком прошлом академической антропологией, легли в основу формирования юридических принципов, определивших права и обязанности коренного населения, в частности, применительно к праву собственности на землю. Поэтому от заключения антрополога, который берется определить, сохранилась ли у той или иной местной общины традиционная система родства и, следовательно, подпадает ли она под действие закона, дарующего ей исключительные права на определенную территорию, зависит очень многое. Неудивительно, что неправительственные организации пытаются оказать давление на исследователя, а если это не представляется возможным – не допустить его до работы в поле. В определенных результатах экспертизы могут быть заинтересованы и органы власти и управления, также имеющие возможность помешать ученому, особенно иностранцу, в его работе. Подобный контекст делает этическую и политическую составляющие антропологического исследования не менее важными, чем собственно эпистемологические проблемы внутреннего развития науки. Другой аспект прикладных антропологических исследований – это вопрос о реальных возможностях практического применения их результатов. Какая форма взаимодействия ученых и государственных служб является наиболее эффективной? Как повысить роль практических исследований на местах в процессе выработки управленческих решений, чтобы обеспечить учет мнений заинтересованных категорий населения?

Пример эффективности политических решений, основанных на применении антропологического знания, представляет собой деятельность американского генерала Д. Петреуса в Ираке (статья *Ошам Дауда*). В современной истории нечасто возникают ситуации, когда политики столь сильно нуждаются в данных антропологии для понимания тех или иных проблем большой важности. Один из вопросов, ответа на который не дают по-прежнему господствующие в западном мире объяснительные схемы, выстроенные с позиций рациональной целесообразности, – это роль, которую играют

упорно сохраняющиеся и воспроизводящиеся племенные и клановые структуры. А ведь еще недавно господствовало убеждение, что они доживают последние дни и неминуемо будут сначала ослаблены, а затем и вовсе разрушены в результате "глобализации". И тем не менее, часть Ближнего Востока (Ирак, Йемен, страны Персидского залива, Иордания и другие) по-прежнему живет в соответствии с племенной организацией. Ирак – одно из антропологических полей, которое может дать исследователю ключи к пониманию этого важнейшего фактора, действующего в значительной части азиатских и африканских обществ. Столкнувшись с ним вплотную в ходе военной операции в Ираке, американское командование осознало насущную необходимость понять, как устроена племенная организация, какие механизмы обеспечивают ее устойчивость, и как можно использовать понимание этих механизмов для противодействия им или для использования их в своих интересах. Для решения этой прикладной задачи была создана специальная антропологическая служба в структуре действующего в Ираке армейского подразделения США. Именно эта инициатива вызвала бурные дискуссии, прежде всего, в стане самих американских антропологов, а в дальнейшем и среди их европейских коллег. Главным вопросом была принципиальная оценка сотрудничества ученого с оккупационными войсками. Может ли такое сотрудничество быть оправдано стремлением минимизировать человеческие потери в ходе вооруженного конфликта, или же антрополог, предоставляя результаты своих исследований в распоряжение военных, способствует успеху агрессора и поражению обороняющихся? Допустимо ли удовлетворять свое научное любопытство под прикрытием армии? О. Дауд убедительно показывает, что определенные стратегические и тактические успехи, достигнутые американскими военными под командованием Д. Петреуса, стали возможны именно благодаря учету данных антропологии.

Знакомство с современными исследованиями французских антропологов наводит на несколько размышлений. Прежде всего, интенсивное взаимодействие и взаимовлияние различных теоретических направлений позволяет усомниться в том, что можно говорить о "французской антропологической школе". В то же время, несмотря на отсутствие концептуального единства, французской антропологии все же присуща определенная особенность, состоящая в том, что она осознает себя скорее как наука об обществах, нежели как наука о культурах. Эта особенность, с одной стороны, является следствием определенного интеллектуального (универсализм) и политического

(республиканство) наследия, а с другой – отражает устойчивое стремление ученых совместить интерес к изучению культурной специфики с поиском общечеловеческого в различных проявлениях повседневной жизни.

Литература

- АБЕЛЕС М. Об антропологии во Франции // *Этнографическое обозрение*. 2005. № 2.
- АМСЕЛЬ Ж.-Л. Глобализация: "большой дележ" или плохое упорядочение? // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2002. Т. 5. № 3. С. 79-95.
- БАЛАНДЬЕ Ж. *Политическая антропология*. М.: Научный мир, 2001.
- БЕЛИК А. А. "Загадка дара" М. Годелье и некоторые проблемы современности // *Этнографическое обозрение*. 2008, № 2. С. 157-166.
- ГОДЕЛЬЕ М. *Загадка дара*. М.: Восточная литература, 2007.
- ГОФМАН А. Б. Социологические концепции Марселя Мосса // *Концепции зарубежной этнологии. Критические этюды*. М.: Наука, 1976.
- ГОФМАН А. Б. Марсель Мосс: за единство наук о человеке // *Человек*. 1993. № 2.
- ДЕВО Э. Две традиции в антропологии: американский геологизм и французский биологизм // *Этнографическое обозрение*. 2008, № 2. С. 3-18.
- ЛЕВИ-СТРОСС К. *Структурная антропология*. М., Изд-во Академический проект. 2008.
- ЛЕВИ-СТРОСС К. *Мифологии*. В 4-х томах. Издательство: Флюид / FreeFly, 2000-2007 гг.
- МОСС М. *Социальные функции священного*: Избр. произведения / Пер. с франц. под общ. ред. И. В. Утехина. СПб.: Евразия, 2000. 444 с.

- МОСС М. *Общества, обмен, личность*. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1996.
- ОЖЕ М. От города воображаемого к городу-фигкции // *Художественный журнал*, 1999, № 24.
- Структурализм вчера и сегодня: к 100-летию Клода Леви-Строса // *Этнографическое обозрение*. 2008, № 6:
- [СОКОЛОВСКИЙ С. В., ЕЛФИМОВ А. Л.] От редакторов. С. 3.
 - КОЕСТЕР Д. Возвращение к "Деяниям Асдиваля": "малый" камчатский миф в свете теорий Ф. Боаса и К. Леви-Строса (пер. с фр. К. В. Пименовой). С. 4-18.
 - ТЭРНЕР Т. О структуре и энтропии: теоретические имитации и противоречия "структурализма" (пер. с англ. А.Л. Елфимова). С. 18-27.
 - ДАЙМОНД С. Неподлинная антропология: миф структурализма (пер. с англ. С. В. Соколовского). С. 28-55.
 - БЕРТРАН Ф. Юбилейный том о К. Леви-Стросе. С. 55-56.
- ФИЛИППОВА Е. И. Понятие "ethnie" во французской научной традиции и его политическое использование. *Этнографическое обозрение*. 2007, № 3.
- ФИЛИППОВА Е. И. *Французские тетради. Диалоги и переводы*. М., 2008.
- CHIVA I., UTZ E., *Ethnologies en miroir : la France et les pays de langue allemande*, Paris, MSH, 1992.
- DETIENNE M., *French Myths: between History and anthropology*, http://sites.jhu.edu/igs/Crosscurrents/French_Myths.pdf.
- GELLNER E. (dir.), *Marxism, Anthropology, History in Soviet and Western Anthropology*, London, Duckworth, 1980.
- HÉNAFF M., *Claude Lévi-Strauss and the Making of Structural Anthropology*, Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998.
- POUTIGNAT Ph. et STREIFF-FENART J. 1995, *Théories de l'ethnicité*, suivi de *Les groupes ethniques et leurs frontières* de F. Barth, Paris, PUF, 270 p.
- ROGERS S., Anthropology in France, *Annual Review of Anthropology*, vol. 30: 481-504 (Volume publication date October 2001).
- Interesting Friends and Faux Amis: An Introduction to New Directions in *French Anthropology, Cultural Anthropology*, vol. 14, 2008.